

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

*канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет)*

На современном этапе развития общественных отношений и повсеместном внедрении информационных технологий все чаще используется новая терминология: «цифровое государство», «информационный суверенитет», «электронное правительство» и т.д. Международные организации формируют рейтинги государств по развитию электронного правительства, аккумулируют статистику в области использования населением информационных технологий в повседневной жизни. Цель данного исследования – рассмотреть понятие и признаки цифрового государства с учетом происходящих процессов цифровизации всех сфер общественной жизни, отталкиваясь от понимания цифрового государства как вектора развития современных государств, в котором экономика, право, политика приобретают цифровой формат, а все услуги в государстве оказываются при помощи информационных технологий.

Ключевые слова: *цифровое государство, информационный суверенитет, электронное правительство, ЕС, информационно-коммуникационные технологии.*

Введение. Актуальность проведения исследования обусловлена тем, что в современный период, несмотря на большое количество принимаемых государственных программ в сфере построения и развития информационного общества, электронного правительства, в науке конституционного права отсутствует единый подход к пониманию цифрового государства, а также признакам данного конституционного понятия.

Цель исследования – определить основные признаки цифрового государства, разработать его понятие.

Основная часть. По итогам проведенного ООН исследования к 2020 г. Беларусь заняла 40 место по индексу готовности к электронному правительству (EGDI) в рейтинге, сохранив свои позиции как страны с высоким уровнем его значения. По сравнению с 2018 г. индекс готовности к электронному правительству Беларуси вырос на 5,8% в 2020 г. Отметим, что к 2020 г. Беларусь по уровню развития электронного правительства опередила в рейтинге Бельгию, Грецию, Латвию, Китай, Кувейт, Малайзию, Саудовскую Аравию, Сербию, Словакию. При этом тройку лидеров среди государств по уровню развития EGDI в 2020 г. составили Дания, Южная Корея и Эстония. Однако термины «электронное правительство» и «цифровое государство» не идентичны между собой. В рамках существования электронного правительства, в первую очередь, делается акцент на использовании информационных технологий в области государственного управления, т.е., фактически, в процессе осуществления исполнительной власти.

Вопросы построения и развития цифрового государства стали предметом исследования ряда политических, социальных, экономических и юридических наук, к примеру, таких авторов, как Р.А. Ромашов, И.Ю. Панкратов, Н.А. Боброва, А.И. Агеев, М.Н. Сатолина, Д.Н. Баранов, Е. Зиновьева, В.С. Осипов и др. В частности, И.Ю. Панкратов под цифровым государством понимает следующую стадию, после цифровизации, где осуществлен полный переход услуг в электронный формат и преобразованы в новые структурные формы органы государственного управления [1, с. 41]. Проводя различие между цифровым государством и электронным правительством, М.Б. Понявина отмечает, что электронное государство включает в себя взаимодействие с помощью использования информационных технологий всех государственных органов (исполнительных, законодательных и судебных) в государстве [2, с. 75]. Следовательно, понятие «электронное правительство» по содержанию уже, чем понятие цифрового государства. Электронное правительство можно назвать первым шагом в создании электронного государства. По мнению Д.Н. Баранова под цифровым государством понимается государство, которое работает с цифровой трансформацией – новыми цифровыми реалиями в экономике и обществе, причем использует при этом новые цифровые инструменты и процессы [3, с. 16].

Под цифровым государством следует понимать вектор развития государства, который требует с учетом новой «информационной реальности» правового закрепления. На наш взгляд, такую характеристику государства, как «цифровое государство» следует закрепить в конституциях ряда государств по аналогии с правовым, социальным и демократическим государством. Сразу отметим, что данное предложение исходит из поддержки позиции относительно того, что определенные характеристики государства (правовое, социальное, демократическое) не являются констатацией факта, а представляют собой норму-цель, те приоритеты, на построение и обеспечение которых должен быть направлен вектор государственного развития. В данном случае, цифровое государство будет выступать конечным результатом перевода всех сфер общественной жизни в информационное пространство, что займет достаточно большой период времени.

При этом реализация принципа цифрового государства предполагает создание среды, способной внедрять и использовать информационные технологии для организации деятельности государственных органов, взаимодействия населения и государства. Основными условиями для функционирования цифрового государства выступают одновременное наличие организационных и технологических механизмов. Организационный аспект представлен структурными элементами, такими как институты государственной власти, институты гражданского общества, участвующие в управлении делами общества и государства и др.

Повсеместное использование термина «цифровое государство» влечет за собой переосмысление основ конституционного строя, под которыми понимаются главные устои общества и государственные принципы, призванные служить целью для построения правового и демократического государства. В связи с тем, что весь процесс цифровизации в государственном управлении главной целью ставит упрощение доступа граждан к «диалогу» с правительством, то справедливо отнести принцип «цифрового государства» в раздел «Основы конституционного строя» Конституции Республики Беларусь и закрепить данное положение при проведении конституционной реформы в Республике Беларусь в современный период.

Формирование цифрового государства обязывает к конкретизации признаков данного понятия. На наш взгляд, к числу таковых можно отнести следующие:

1. «Размытость» государственных границ в физическом понимании (на местности), что особенно проявляется в экстерриториальной деятельности индивидов, коллективных образований, иных субъектов правовых и неправовых отношений. Следовательно, существующая ранее административно-территориальная организация государства будет иметь второстепенный характер. Такой признак создает ряд практических проблем в области защиты индивидуальных и коллективных прав, в части определения субъекта, уполномоченного осуществлять защиту нарушенных прав.

2. Наличие публичной власти, которая будет осуществляться с использованием информационных технологий. Следовательно, все государственные органы должны пройти трансформацию и в структурном, и в техническом аспектах.

3. Информационный суверенитет и его правовое обеспечение. Под информационным суверенитетом цифрового государства следует понимать независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере. Для правового обеспечения информационного суверенитета важно закрепить на конституционном уровне принцип информационной политики современных государств в международных отношениях. Объявление на уровне Конституции государства как «информационно нейтрального» позволит заявить о себе как об участнике информационной политики, уважающем информационный суверенитет и информационную безопасность других государств. В данном направлении требуется решить и вопрос на международном уровне путем разработки и принятия соответствующих декларативных норм. Кроме этого, должна быть на государственном уровне разработана собственная правовая база в области обеспечения информационной безопасности и защиты информационного суверенитета.

В научной литературе имеются и иные подходы, направленные на выявление средств обеспечения информационного суверенитета государства. К примеру, Е.Г. Зорина делает акцент на таких из них: высокий уровень компьютеризации государства, наличие собственного программного обеспечения, формирование собственного положительного внутреннего и внешнего имиджа государства, наличие собственной национальной идеи и идеологии, формирование собственной правовой базы [4, с. 347].

Вместе с тем, понимание информационного суверенитета для цифрового государства весьма относительно в контексте возможной потери его актуальности. Здесь мы отметим свою приверженность подходу представителя западной школы Р. Фалка, который прогнозирует потерю значимости государственного суверенитета в условиях цифровой эпохи [5]. При этом автор обращает внимание на возрастание роли в обеспечении суверенных прав наднациональных структур, которые будут занимать лидирующее положение в международном пространстве. Следовательно, велика роль риска перехода к концепции отказа от государственного информационного суверенитета в пользу некоего единого глобального феномена.

4. Наличие цифрового механизма защиты прав человека в информационной среде. Существование таких способов защиты прав предполагает четкое наделение конкретных государственных органов полномочиями по принятию мер профилактики и воздействия в случаях нарушения информационной безопасности в цифровой среде. В частности, это может быть блокировка контента в сети Интернет. Реализация данной меры ответственности может происходить по двум направлениям среди современных государств: 1) на основании специально созданной нормативно-правовой базы в области регулирования отношений в сети Интернет; 2) на основании общих охранительных правовых норм, применяемых по аналогии в случае совершения противоправных деяний в сети Интернет.

5. Должный уровень информатизации на мировом пространстве. Это важный признак цифрового государства, без которого данная категория в целом недостижима. Изолированное построение цифрового государства в национальном аспекте невозможно, поскольку предполагает наличие соответствующего уровня цифровизации и в других странах. Это касается вопросов и цифровой экономики, и электронного здравоохранения и др.

6. Вовлеченность права в процесс цифровизации. В цифровом государстве право существенным образом изменяет свое содержание. В устоявшемся понимании право выступает одним из социальных регуляторов общественных отношений в государстве. При этом, согласно подходу Ю.А. Тихомирова, право как регулятор отношений может существовать в виде трех моделей: право проигрывает; право отстает; право идет в ногу со временем [6, с. 5].

Цифровое государство предполагает построение информационного общества, в котором реализация прав человека будет осуществляться на новом уровне. В сфере института конституционных прав человека в период развития информационного общества выделяются следующие особенности:

– прослеживается тенденция к эволюции прав и свобод;

– значительно увеличивается информационная составляющая в механизме реализации прав и свобод;
 – появление новых возможностей в защите прав человека, к примеру, благодаря развитию электронного правосудия;
 – значительная трансформация содержания личных и политических прав человека.

В науке теории права приводятся различные подходы к оценке развития института прав человека в цифровом обществе. Отдельные авторы акцентируют внимание на развитии прав человека с учетом технических возможностей для их существования, которые человек приобретает в среде офлайн. Другие указывают на возрастающую роль прав человека в информационной сфере или информационных прав. Есть те из них, которые ведут речь о том, что появляется новое поколение прав человека – информационные права. В частности, Н.А. Юрочкин отмечает, что «развитие прав человека в цифровой среде не ограничено только информационными правами. Новые информационно-компьютерные технологии приводят к образованию нового пятого поколения прав – «цифровых прав». Указанное поколение прав связано с использованием информации, представленной в цифровой форме» [7, с. 101].

В информационном обществе повышается значимость права на доступ к информации. На международном уровне во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в ст. 19 провозглашена свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ¹. На уровне национального законодательства в ч. 1 ст. 34 Конституции регламентирована гарантия обеспечения права на доступ к информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды². Кроме этого, установлены основания для ограничений пользования информацией в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

Из выше обозначенного видно, что практика конституционной регламентации прав человека пошла по пути преобразования свободы поиска информации в регламентированное право на доступ к информации, что в числе основных отличий предполагает установление значительных пределов поиска информации и содержания предоставляемой информации.

Заслуживают внимания нормы Конституции после референдума 2022 г., где государство взяло на себя обязанность по созданию условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Данная норма установлена в ч. 2 ст. 28 Конституции. Вместе с этим, здесь отсутствует обязанность государства гарантировать, а лишь создавать условия, что говорит о различной степени ответственности.

В эпоху цифровизации, безусловно, возрастает роль проведения информационной политики в государстве. Здесь уже задействованы и органы государственного управления в гарантировании прав человека путем разработки программных документов.

Заключение. С развитием информационных технологий в научный оборот вошел термин «цифровое государство», однако не получивший до настоящего времени должного определения. Цифровое государство представляет собой определенный концепт, вектор развития современного государства, при достижении которого все сферы общественной жизни должны быть представлены в цифровом формате: право, политика, экономика. Основными признаками цифрового государства являются размытость государственных (территориальных) границ, обеспечение информационного суверенитета (как в техническом, так и в правовом аспекте), наличие и действенность цифрового механизма защиты прав человека, вовлечение права в процесс информатизации и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкратов, И.Ю. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации / И.Ю. Панкратов, Н.В. Свертилова, Е.Н. Лидэ // Государственная служба. – 2018. – № 1. – С. 38–43.
2. Понявина, М.Б. Электронное правительство и цифровое государство / М.Б. Понявина, Д.О. Джордано // Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – 2020. – № 2. – С. 74–80.
3. Баранов, Д.Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» / Д.Н. Баранов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1, Экономика и управление. – 2018. – № 2(25). – С. 15–23.
4. Зорина, Е.Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения / Е.Г. Зорина // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2017. – № 3. – С. 345–348.
5. Falk, R. Sovereignty / R. Falk, // The Oxford Companion to Politics of the World, / R. Falk. – New York – Oxford, 1993. – P. 853.
6. Тихомиров, Ю.А. Право и цифровая информация / Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.
7. Юрочкин, Н.А. Права человека в информационном обществе / Н.А. Юрочкин // ПРАВО.ВУ. – 2017. – №6. – С. 101–105.

¹ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 02.05.2022.

² Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

REFERENCES

1. Pankratov, I.Yu., Svertilova, N.V. & Lide, E.N. (2018). Cifrovoe gosudarstvo: novaya matrica kompetencij dlya cifrovoj transformacii. *Gosudarstvennaya sluzhba*, (1), 38–43. (In Russ.).
2. Ponyavina, M.B. & Dzhordano, D.O. (2020). Elektronnoe pravitel'stvo i cifrovoe gosudarstvo. *Buhgalterskij uchet, analiz i audit*. (2), 74–80. (In Russ.).
3. Baranov, D.N. (2018). Sushchnost' i sodержanie kategorii «cifrovaya ekonomika». *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 1, Ekonomika i upravlenie*, 2(25), 15–23. (In Russ.).
4. Zorina, E.G. (2017). Informacionnyj suverenitet sovremennoogo gosudarstva i osnovnye instrumenty ego obespecheniya. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. (3), 345–348. (In Russ.).
5. Falk, R. (1993). Sovereignty. In *The Oxford Companion to Politics of the World*, New York – Oxford, (853).
6. Tihomirov, Yu.A., Kichigin, N.V., Comartova, F.V. & Bal'haeva, S.B. (2021). Pravo i cifrovaya informaciya. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, (2), 4–23. (In Russ.).
7. YUrochkin, N.A. (2017). Prava cheloveka v informacionnom obshchestve. *PRAVO.BY*, (6), 101–105. (In Russ.).

Поступила 20.04.2022

THE CONCEPT AND SIGNS OF A DIGITAL STATE

I. SHAKHNOVSKAYA

At the present stage of the development of public relations and the widespread introduction of information technologies, new terminology is increasingly used: "digital state", "information sovereignty", "digital divide", "electronic government", etc. International organizations form ratings of states for the development of electronic government, accumulate statistics on the use of information technologies by the population in everyday life. The purpose of this study is to consider the concept and features of a digital state, taking into account the ongoing processes of digitalization of all spheres of public life, starting from the understanding of the digital state as a vector for the development of modern states, in which the economy, law, politics acquire a digital format, and all services in the state are provided with the help of information technologies.

Keywords: digital state, information sovereignty, e-government, EU, information and communication technologies.